

УДК 340

МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: КАНТ И РУССКИЕ ЮРИСТЫ

© 2024 Е. А. Фролова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Поступила в редакцию 03.03.2024 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы философии права с позиции Канта и русских неокантианцев. Показано различие принципа необходимости (исходит из естественного хода вещей) и принципа долженствования (применяется к сфере нравственности). Согласно принципу этического долженствования каждый человек признается самоцелью, а все лица – равнозначными. В центре внимания русских юристов-неокантианцев – процесс реализации перехода от формальной этики к философии права, в которой соединяются предписания нравственного закона и политico-правовые явления. Вслед за Кантом русские юристы утверждали, что государство не должно навязывать населению образцы справедливости – ему следует создавать условия, при которых каждый мог бы свободно выбирать, что есть для него благо (счастье), и достигать желаемое с единственным ограничением – не нарушать права и свободы других членов общества. В период столкновения интересов различных общественных групп отечественные правоведы-неокантианцы стремились отыскать пути мирного социального развития. Ядро их концепций создавала уверенность в позитивном значении нравственности, традиции, права и государства.

Ключевые слова: философия права, Кант, русские юристы-неокантианцы, этика, право, государство, общественный идеал.

Цитирование: Фролова Е.А. Методология философии права: Кант и русские юристы // Государство и право. 2024. № 11. С. 23–32.

DOI: 10.31857/S1026945224110022

METHODOLOGY OF THE PHILOSOPHY OF LAW: KANT AND RUSSIAN LAWYERS

© 2024 E. A. Frolova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Received 03.03.2024

Abstract. The article examines issues of the Philosophy of Law from the position of Kant and Russian Neo-Kantians. The difference between the principle of necessity (based on the natural course of things) and the principle of obligation (applied to the sphere of morality) is shown. According to the principle of ethical obligation, each person is recognized as an end in itself, and all persons are considered equal. The focus of Russian Neo-Kantian lawyers is the process of implementing the transition from formal ethics to the Philosophy of Law, which combines the requirements of the moral law and political and legal phenomena. Following Kant, Russian lawyers argued that the state should not impose models of justice on the population – it should create conditions under which everyone could freely choose what is good for them (happiness) and achieve what they want with the only limitation – not to violate the rights and freedoms of others members of society. During the period of conflict of interests of various social groups, domestic Neo-Kantian lawyers sought to find ways of peaceful social development. The core of their concepts created confidence in the positive meaning of morality, tradition, law and the state.

Key words: Philosophy of Law, Kant, Russian Neo-Kantian lawyers, ethics, law, state, social ideal.

For citation: Frolova, E.A. (2024). Methodology of the Philosophy of Law: Kant and Russian lawyers // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 23–32.

В 2024 г. отмечается 300-летие со дня рождения Иммануила Канта¹. Этую дату человечество встречает постановкой социальных проблем, о многих из которых речь шла в трудах кёнигсбергского мыслителя. Речь идет об этике, сущности права, социальной природе человека, построении гражданского общества, основу которого образует самодостаточная личность, перспективах развития цивилизации и гарантиях выживания индивида на уровне человеческого рода. XXI век характеризуется сложными отношениями в политической и социальной жизни, активизируется ежедневная борьба за существование каждого индивида в отдельности и членов общества в целом, а также человечества как такового. Тем не менее в современном мире в условиях существования различных особенностей национальных систем есть понимание, что мы живем в едином цивилизационном пространстве. Две сотни лет назад вне темы цифровизации и искусственного интеллекта неокантианец баденской школы В. Виндельбанд замечал: «Поле нашего зрения расширилось

до бесконечности, мы не знаем никакой границы бытия: из тысячи источников со всего земного шара стекаются к нам знания, которые никогда уже не уложатся в одной голове и никогда не будут сведены в одну простую общую формулу»². За двести лет многое в социокультурном пространстве изменилось, но как и раньше центром решения социальных вопросов выступает человек – со своими интересами и целями, требованиями и ожиданиями, обусловленными как личными предпочтениями, так и общественными запросами. Оценивая переменную составляющую человеческой природы, Кант метко замечал: «Из столь кривого дерева, из которого сделан человек, нельзя вытесать ничего совершенно прямого». И все же разумность человека во все времена – та путеводная звезда, с которой связаны надежды по пути продвижения человечества к своему прогрессивному развитию.

И. Кант и его последователи внесли большой вклад в исследование науки методологии, этики, права и государства, подняв на новый теоретический уровень аксиологию и деонтологию. Рецепция этих идей русскими юристами конца XIX – начала XX в.

¹ См.: Кроткова Н.В. Всероссийская научная конференция с международным участием «Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)» // Государство и право. 2024. № 9. С. 212–231. DOI: 10.31857/S1026945224090203

² Виндельбанд В. Иммануил Кант (К столетнему юбилею его философии) // Виндельбанд В. Прелюдии: философские статьи и речи / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. М., 2011. С. 110.

(П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.А. Савальский, Е.Н. Трубецкой, В.М. Хвостов, Н.Н. Алексеев, С.И. Гессен, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др.) повлияла на развитие правовой традиции России, однако в силу различных причин влияние это было ограничено, и до настоящего времени доминирование этой философии в политико-правовом мышлении – задача скорее из области желаемого. Вместе с тем ценностный подход к личности, понимание права как «культурного блага», влияющего на жизнь в обществе, прочно соединились в русском правовом сознании с учением немецкого мыслителя.

* * *

Философия Канта определила границы познания: отношения людей не являются предметом естествознания, как полагало большинство позитивистов до немецкого мыслителя, социальная сфера относится к миру должного, в основе которого лежит моральный закон. В структуре знаний, согласно кантианской философии, необходимо строго различать элементы, привносимые мышлением и рассудком, и элементы, воспринимаемые с помощью органов чувств из природных явлений.

Центральной темой философии неокантианцев являлось учение о научном методе. Сторонники этой философии³ различали природу и культуру: в природе все явления строго закономерны и необходимы, они происходят в соответствии с законами причинно-следственных соотношений; в культуре решающую роль играют сознание, воля, ценности и цели, привнося тем самым в общественные отношения категории этики (свободу, равенство, справедливость). Социальные отношения исследуются двумя способами, одинаково логичными и потому равнозначными: 1) с помощью суждений о добре и зле, т.е. через призму справедливых или несправедливых результатов; 2) с помощью суждений о причине и действии. Оба вида этих суждений заключают в себе истину и необходимы для понимания социальных отношений. Оценочные характеристики, как и суждения о причинно-следственных соотношениях, обладают характером неотъемлемости и общеобязательности. Категории необходимости и справедливости – предмет исследований представителями неокантианской философии: «необходимость» одинаково применима к естественным и социальным явлениям, «справедливость» применяется только к социальным

³ Традиционно выделяются две основные школы неокантианства: марбургская и баденская. О методологических различиях сторонников этих школ см.: Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2019. С. 8–11 и др.; Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 273–278.

явлениям. Категории необходимости и справедливости сходны тем, что они, во-первых, одинаково присущи сознанию и обязательны для него, во-вторых, образуют основу объективного знания. Их различия заключаются в том, что категория необходимости используется в целях познания, при помощи категории справедливости даются оценки, на ее основе выносится нравственный приговор результату социального развития.

Согласно неокантианцам, научная философия включает в себя логику, этику, эстетику; логика состоит из теории познания, формальной логики и методологии. Отличие дисциплин научной философии от естественных наук заключается в том, что последние изучают все явления как необходимо происходящие, где высший принцип – законы природы. Дисциплины научной философии анализируют то, что должно быть, и потому для них основной принцип – нормы как общеобязательные правила теоретического мышления (логика), как практической деятельности (этика), как творчества (эстетика). Общей для всех естественных наук является категория естественной необходимости; объединяющая категория для дисциплин научной философии проявляется в сознании должного⁴.

Задача научной философии состоит в исследовании должного во всех формах и проявлениях, и прежде всего в выявлении принципов научной философии. Для выбора и систематизации содержания мышления и выработки научного знания необходимо соблюдать логические формы. В их основе лежит принцип оценки, а основанием для оценок являются не описательные, а общеобязательные нормы – нормы логики, имеющие нормативный характер. Только таким образом создается действительно научное знание, основной чертой которого выступает обязательная сила для всех нормально мыслящих людей. В этой связи обращалось внимание на различия индивидуального и научного мышления. Индивидуальное мышление представляет собой единичные комбинации между отдельными частями содержания мышления с точки зрения естественной необходимости; научное мышление имеет всеобщий характер, оно обязательно для каждого человека. Однако это не означает, что научное мышление носит социальный характер: оно социально лишь настолько, насколько вообще всякое мышление является социальной функцией (знание языка, возможность общения людей и др.)⁵. Важно понимать, что научное мышление не является коллективным или мышлением большинства – по своей сути оно всегда индивидуально.

⁴ См.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб., 1998. С. 120.

⁵ См.: там же. С. 129.

Процесс образования понятий составляет, по существу, логическое мышление. Необходимо четко прослеживать границу между логическим мышлением, подчиняющимся правилам, и психологическим мышлением, обусловленным исключительно причинными соотношениями между отдельными элементами мышления⁶. Психологическое мышление, основу которого представляет естественная необходимость, является примитивным, несмотря на то что оно тоже выражается в суждениях и понятиях.

Русский юрист-неокантианец Б.А. Кистяковский доказывал необходимость разграничения логических норм, которым необходимо следовать для выявления научных истин, от содержания этих истин и тех психологических законов, которым подчиняется мышление человека. Действительно, может быть высказано много психологически верных, согласных с реальностью (и потому истинных) суждений, общих представлений, однако они не будут создавать научного понятия. В любом обществе можно встретить так называемых «учительских натура», для которых важнее распространять достоверные научные истины, чем добывать новые; или тех лиц, которым важнее эстетическая сторона в познании, чем его логическая структура и формальная последовательность. Чтобы придать законченный образ знанию, эти лица черпают содержание из личных душевных переживаний, что является «изменой знанию» — познавательные постулаты подчиняются здесь личным эстетическим запросам. Смешение познавательного, этически и эстетически должного может выражаться в разных формах, но в любом случае понятие этически должного утрачивает при этом свою определенность и самостоятельность⁷.

В отличие от психологических суждений логические понятия обладают качеством «общезначимости». Для получения научной истины необходима выработка точных, устойчивых понятий. Исследуя эмпирические данные, в том числе в области права и государства, следует устанавливать факты, имеющие общее значение. Понятия, создающиеся естественно-психологическим путем, не могут быть критически проанализированы и потому их следует отнести к общим представлениям. Понятия, образованные логическим путем, необходимо рассматривать как понятия научные.

Исходя из этих критериев оценивается и поиск исследователем научной истины. Истину в научном плане или признают, или не признают. Психика человека не имеет в себе границ или руководящих принципов для обобщений — человек может как

искать истину, так и заблуждаться. Наша психика действует не целесообразно, а с позиции причинности (подчиняется естественной необходимости).

В противоположность причинному подходу принцип целесообразности предполагает определение целей исходя из субъективных оценок человека (у каждого есть свои ценностные предпочтения). Согласно неокантианцам, правила (нормы) деятельности — это правила или нормы оценок. Человек создает свой особый мир ценностей, независимый от принципов естественной необходимости. Изучением мира ценностей занимается логика (определяет научную истину и способы ее получения), этика (исследует ценное в практической деятельности и нормы для его получения), эстетика (устанавливает ценное в творчестве и формы его воплощения).

На необходимость методологической «чистоты» научных теорий обращал внимание русский юрист, сторонник марбургской школы неокантианства В.А. Савальский. По его оценкам, научный характер доктрины проводится только в тех учениях, которые отстаивают принятую ими точку зрения на всем протяжении анализа понятий. Именно такая «односторонность» позволяет видеть доктрину в ее законченном виде и придает ей стиль классической простоты и ясности. По мысли русского правоведа, и естествознание носит односторонний характер — это есть его великое достоинство, а именно достоинство чистоты метода. Все великие системы философии, считал он, имеют односторонний характер, что не означает выражение только лишь субъективной индивидуальности данного писателя и узость его кругозора — односторонний характер есть «чистота метода»⁸.

С этой точки зрения В.А. Савальский критически оценивал многие современные ему юридические доктрины. Обычный недостаток концепций в области права, по его мнению, составляет их «наивная многогранность», заключающаяся в некритическом смешении различных методов, взглядов, подходов. Ссылаясь на то, что право есть явление сложное и многогранное, его стремятся охватить со всех сторон и получают в итоге эклектизм. Характерный пример таких построений — учение немецкого государствоведа Г. Еллинека, в котором, полагал Савальский, смешан социально-политический подход с социально-философской оценкой права и государства. Напомним, первый перевод работы Еллинека «Общее учение о государстве» (опубликована в Германии в 1900 г.) появился в России в 1903 г. и вызвал большой интерес в академической юридической

⁶ См.: Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 131.

⁷ См.: там же. С. 125–127.

⁸ Савальский В.А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. М., 1909. Т. I. С. 265.

среде. Произведение немецкого юриста содержит несколько разделов по методологии, в которых автор четко формулирует направленность своего исследования социальных явлений. Так, во второй главе этого труда («Методика учения о государстве») Еллинек показывал отличия социально-научного познания от естественно-научного и раскрыл суть исторического и юридического методов в создании учения о государстве.

Отставая «чистоту» метода, юристы неокантианского направления сходились во мнении, что каждое понятие имеет несколько определений. Так, в праве они видели одновременно мощный социальный регулятор, культурное благо и этическое совершенствование. Государство, согласно этой методологии, есть факт повторяющийся и одновременно – уникальное явление. Таким образом, юристы показали необходимость целостного исследования предмета: о его свойствах, условиях существования, развития и т.д. Такой подход в методологическом плане примирял неокантианцев с социологами права, исследующими функциональные свойства права и государства. По мнению и тех и других, научное исследование политico-правовых явлений предполагает выработку точных и устойчивых понятий, установление фактов, имеющих общее значение.

* * *

Наряду с принципами логического и методологического совершенствования неокантианцы выделили принцип этического совершенствования. Нравственный принцип – это принцип оценки, устанавливающий различие между добром и злом: все согласное с добром представляется как нравственно должное, все несогласное с добром выглядит неенным. Добро и зло естественно необходимы, так как природа безразлична к оценкам. Только сознание человека в силу нравственного принципа устанавливает это различие.

По мысли Канта и его последователей, принципы нравственности представляют собой нечто постоянное и неизменное. Они, как и законы логического мышления и законы природы, не подвержены эволюции. Этические нормы по аналогии с законами могут быть в известное время сформулированы, под влиянием определенных обстоятельств распространены и применяться в конкретных условиях, но значение нравственных предписаний не зависит от их применения. Нравственное имеет ценность само по себе независимо от какой-либо другой, даже самой благой, цели. Поэтому познавать нравственность возможно не в эмпирическом мире, а только практическим разумом, закон добра не может основываться на принуждении какой-либо гетерономной

(внешней) воле, а должен иметь источник в собственном внутреннем законе, в автономной воле.

Категорический императив – понятие этики Канта, представляющее собой высший принцип нравственности; он обозначает безусловное веление или запрет. Понятие категорического императива сформулировано в «Основах метафизики нравственности» (1785) и подробно исследовано Кантом в «Критике практического разума» (1788). В отличие от гипотетического (технического или условного) императива предписания категорического императива раскрывают закон этики. Требования категорического императива имеют формальный характер, т.е. не содержат указаний, каким образом необходимо поступать человеку в каждом конкретном случае⁹. Этот вид императива выражает только идею «долга перед лицом человечества» и является всеобщим общеобязательным принципом, которым каждый человек должен руководствоваться независимо от своего происхождения, общественного положения и иных условий.

По содержанию категорический императив неизменен и безусловен; устанавливает не то, что совершается с необходимостью, а то, что создается человеком при исполнении долга. Он имеет две формулы. Первая гласит: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»¹⁰. В другой интерпретации всеобщий императив долга может быть выражен следующим образом: «Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы». Вторая формула предписывает: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹¹. В этом положении проявляется аксиологическое отношение Канта к личности.

Формальный характер категорического императива предполагает, что этические законы должны обладать всеобщей значимостью, однако формальность предписания не означает отсутствия его содержания: содержанием нравственного принципа является обязанность признания каждого человека самоцелью, всех лиц – равнозначными. Совершенствование как продукт внутреннего мира человека выражает возможное действие, основанием для которого является чистое понятие. В акте нравственного сознания воля человека автономна: она определяется не извне, а изнутри, самопроизвольно.

⁹ См.: Кант И. Критика практического разума. 3-е изд. СПб., 2007. С. 277, 278.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ Там же. С. 90.

Согласно Канту, никто не может принуждать человека быть счастливым по какому-либо известному им образцу. Благодаря своей свободной воле каждый человек вправе искать счастье на том пути, который он для себя выбрал, с единственным ограничением: если только он не наносит этим ущерб свободе других лиц. В этом требовании заключается понимание свободы членов общества в условиях правового государства, идею которого отстаивал Кант (термина «правовое государство» у него не было).

Таким образом, под воздействием кантианской философии особое значение получила аксиология, составив важную часть философии права. Неокантианцы показали, что ценности представляют собой род идеальных объектов, между которыми устанавливается независимый от опыта (априорный) порядок. В юридической науке второй половины XIX в. считалось бесспорным фактом, что в составе оценивающей деятельности человека проявляются мотивации не только служебного (производного) характера, но и первичные (самодовлеющие): многое мы считаем ценным не потому, что оно чему-то соответствует, а потому, что оно ценно в себе (самоценно) и именно в этих оценках проявляются безусловные ценности¹². Данность, в которой усматриваются безусловные ценности, имеет характер истинной достоверности, поэтому познание ценностей обладает характером самоочевидности. Высказывая оценочные суждения («этот поступок – подвиг», «данное дело – справедливо» и т.п.), мы представляем их не субъективными мнениями, а объективными истинами. Теория ценностей предполагает их иерархию, распад на положительные и отрицательные, которые можно трактовать различным образом, однако наличие некоего объективного порядка в отношении ценностей сомнений не вызывает¹³.

* * *

Неокантианцы считали необходимым приблизить формальный подход Канта к действительной жизни. Кантианская идея самозаконности личности не дает полноценного представления о действительной связи людей в обществе, связи, учитывающей их различия и способы общения в интересах целого. Последнее у Канта подразумевается и требуется категорическим императивом, но обосновано недостаточно. Формальный характер предписаний категорического императива критиковал

¹² См.: Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 80–93.

¹³ О соотношении ценностей и права см.: Неновски Н. Право и ценности. М., 1987; Грайман С. Право и морал. Проблемът за юридическата валидност в прочита на съвременния правен позитивизъм. София, 2017.

Г.В.Ф. Гегель¹⁴. Конечно, поиск всеобщего закона неизбежно приводит к выделению одной только формы воления, и в этом отношении «формализм» неустраним и вполне оправдан. Но, по мысли последователей критической философии, Кант ошибочно превратил теоретическую формулу категорического императива в единственно нравственный мотив. Г. Еллинек в работе «Социально-этическое значение права, неправды и наказания» замечал: «То, чего должна, прежде всего, требовать от человека общественная мораль, это – определенный способ внешнего отношения к другим людям, индивид должен выразить самого себя вовне». На основе категорического императива Еллинек выстраивал теорию социальной этики: «Если ты желаешь существования общества и его развития, ты должен поступать так, чтобы твой образ действий способствовал сохранению и благосостоянию общества». Это гипотетическое положение может быть обращено в категорическое предписание, которое гласит: «Действуй так, чтобы твой образ действий поддерживал общество и содействовал ему». Таким образом, исследования проявления воли индивида во внешнем мире раскрывали материальную сторону этической области (какие действия следует считать нравственными). Отсюда – обоснование подхода к праву как к «этическому минимуму»¹⁵.

Вслед за европейскими авторами русские юристы-неокантианцы считали необходимым приблизить кантианскую философию к реальной жизни. Для этого делались попытки творческого соединения субъективной этики Канта с объективной системой философии права Гегеля. «Задача нашего времени, – отмечал П.И. Новгородцев, – как и эпохи непосредственных преемников Канта, состоит в том, чтобы понять связь двух областей и их конечную гармонию. Эта задача выводит нас за границы как положительной науки, так и моральной философии: мы вступаем здесь в область метафизики»¹⁶. В этом синтезе науки и этики, в поиске конечной объективной цели русские правоведы видели соединение принципов долженствования с началами бытия. Согласно их философии, предписания морали должны стать осуществляющимся законом жизни через право и государство.

И. Кант считал, что задачей права является обеспечение такой деятельности людей, которая внешне совмещалась бы с предписаниями категорического императива. Принципом разумного

¹⁴ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 89.

¹⁵ Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 60, 61.

¹⁶ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма: сб. ст. / под ред. П.И. Новгородцева. М., 1903. С. 296.

законодательства выступает правовой постулат практического разума – сообразовать свободу каждого со свободой всех членов гражданского общества¹⁷. Необходимое требование разума состоит в том, чтобы начало права не ограничивалось пределами отдельных государств, а распространялось на все человечество с целью достижения вечного мира. Для этого Кант выдвинул следующие условия: во-первых, гражданское устройство в каждом государстве должно быть правомерным (наличие разделения властей); во-вторых, международное право должно быть основано на союзе свободных государств; в-третьих, взаимные отношения народов и государств должны определяться правилами всеобщего гостеприимства¹⁸.

Русские юристы во многом следовали воззрениям немецкого философа. По их оценкам, из этического принципа нельзя вывести все содержание жизни индивида: для создания научной системы этики должна сформироваться культурная общественность со свойственной ей социальной, государственной, правовой организацией. Этическая система, как и наука, творится человечеством в его историческом развитии, она создается не только действиями отдельных лиц, но определяется степенью культуры общественности, объединяющей несколько факторов: развитые экономические и социальные области, государственные и правовые учреждения, формирующие стабильность общественных связей. Этот процесс представляет собой результат сознательных действий людей, направленных на выполнение формул категорического императива¹⁹. В духе Канта русские юристы считали, что государство не должно навязывать населению образцы справедливости – ему следует создавать условия, при которых каждый мог бы свободно выбирать, что есть для него благо (счастье) и достигать желаемое с единственным ограничением – не нарушать права и свободы других членов общества.

Кроме этого, ряд философов права (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, С.И. Гессен) выступили с обоснованием понятия права на достойное человеческое существование и необходимостью его юридической разработки. По мысли Гессена, ни религиозные прорицания, ни хозяйственная необходимость,

¹⁷ См.: Пионтковский А.А. Теория права и государства Канта. Философия Канта и современность / под общ. ред. Т.И. Ойзермана. М., 1974. С. 160.

¹⁸ См.: Трактат И. Канта «К вечному миру» вышел в свет в 1795 г. и выдержал несколько изданий при жизни автора (см.: Кант И. Соч.: в 4 т. на нем. и рус. яз. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 353–477).

¹⁹ См.: Торбов Ц. Основни принципи на правото. Право и справедливост. София, 1940. С. 208–216.

ни идеологические догматы не способны раскрепостить людей; самым мощным средством освобождения личности от зол современного общества является право: «только оно способно обуздять хозяйство, поставить его на надлежащее место в культуре и расчистить почву для новой “органической” эпохи, в которой господствовали бы “объективные начала”»²⁰.

Вслед за Кантом русские юристы признавали, что юриспруденция развивает свои понятия параллельно философскому направлению своего времени, глубина ее точек зрения во многом определяется глубиной научно-философского сознания данной эпохи. Юристы-неокантианцы продемонстрировали двойственный характер права: его социальный компонент (нацеленность на создание и поддержание определенного порядка в обществе) и продукт духовной деятельности человека, позволяющий создавать регулятивные цели (трансцендентальные, присущие сознанию). Исследование права как явленияteleologического порядка предполагает его рассмотрение в сфере оценок и целей, однако сущность права обусловлена не только трансцендентальными целями (право – продукт духовного творчества человека), но и эмпирическими (право – инструмент организации совместной жизни людей).

Для целостного познания права как teleологического и одновременно эмпирического явления необходимо определить методы, которыми должна пользоваться наука о праве. Из-за природного дуализма права как научного объекта исследования, по мысли отечественных правоведов, необходимо разграничить фундаментально-теоретическое и юридико-догматическое изучение права. Разница между общей теорией права и догматической юриспруденцией заключается не в степени производимых ими обобщений, а в постановке различных задач и использовании неодинаковых методов²¹: задача общей теории права – научно познать реальную сущность права. Для ее решения описательных методов юриспруденции недостаточно – здесь необходимы объяснительные методы. Предметом догмы права является действующее или действовавшее в определенное время в каком-либо обществе право. Догматическая юриспруденция исследует право как систему правовых норм, правовой порядок конкретного общества. Для изучения этой относительно замкнутой системы права достаточно применять принципы формальной

²⁰ Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Гессен С.И. Избр. соч. М., 1999. С. 231, 232.

²¹ См.: Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916 // Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. С. 393.

логики, востребованные в описательных науках (обобщение, классификация по группам, видам, родам и др.).

* * *

Важная тема философии права неокантианства – поиск социального идеала, варианты которого виделись юристами по-разному. Так, в качестве общественного идеала представитель марбургской школы неокантианства Р. Штаммлер обосновывал «общество свободно хотящих людей»²². Подчеркивая индивидуальную свободу человека и самостоятельность его выбора, В.М. Хвостов считал, что принцип социального идеала состоит в идее гармонического примирения запросов личности и общества. По его убеждению, идеальное общество – это общество, благосостояние которого определяется благосостоянием образующих его личностей. Этот принцип образует идею высшей справедливости, с позиции которой подлежат оценке все социальные нормы²³. Сторонник баденской школы неокантианства П.И. Новгородцев для России начала XX столетия отстаивал необходимость достижения правового и социального государства. Личность, по его убеждению, имеет безусловное значение, и входя в общество, она не утрачивает его. Однако общество XX в. предполагает новое содержание: это уже не только духовно-нравственный синтез – понятие общества содержит внутри себя объективные различия и противоречия. Дело в том, что общественный организм не представляет собой сплоченного единства, обязанности, которые оно ставит личности, не являются «однохарактерными и согласованными». В пределах каждого политического союза существует целый ряд других общественных кругов, в которых отдельное лицо одновременно может быть участником: семья, сословие, класс, церковь, национальность, профессиональные и партийные организации, государственные и местные подразделения, – все эти многочисленные расслоения общественной жизни создают чрезвычайную сложность проявлений личности и учета со стороны права²⁴. Поэтому юристам и политикам важно направить свои усилия на смягчение непримиримых крайностей и найти золотую середину во взглядах на соотношение личности с обществом.

Представители неокантианской философии права не обосновывали насилиственное уничтожение существующего общества, не считали

²² Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В.А. Краснокутского. М., 1908.

²³ См.: Хвостов В.М. Общая теория права: элементарный очерк. 5-е изд. М., 2011. С. 45.

²⁴ См. об этом: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 174.

необходимым радикальную замену его новым порядком, который обеспечил бы гармонию безгосударственного будущего. Они стремились отыскать пути развития в условиях столкновений интересов различных общественных групп для существования в организованном социуме. Ядро неокантианских концепций создавала уверенность в позитивном значении нравственности, традиции, права, государства, хотя эти начала требуют разумной меры своего влияния на человека и общественный порядок. Исследование этих вопросов показывает, что тема поиска общественного идеала, при всей своей абстрактности, имеет большое значение для уяснения практических юридико-политических задач.

Согласно установкам русских неокантианцев, существуют общие руководящие объективные начала, перед которыми склоняется индивидуальное сознание. Стремление устроить жизнь согласно разуму не должно отрываться от начал истории, от органических основ общественного порядка. В противном случае, «когда, увлекаясь полетом, мысль человеческая отрывается от своих жизненных корней, когда она стремится сама из себя воссоздать всю действительность, тогда вместо того, чтобы быть силой созидающей и прогрессивной, она становится началом разрушительным и революционным»²⁵. Для создания стабильного правового порядка с тем, чтобы не произошел отрыв идей личности от действительных запросов истории, необходимо сохранять связи веков и поколений. Прогрессивное движение должно сочетать старое с новым, изменчивое с постоянным и вечным.

Ценность различных обществ определяется сознательным выражением духовной жизни. Задача каждого общества заключается в создании и развитии своей системы культуры, поскольку именно в ней содержится нравственная ценность каждого общества. Уровень культуры определяет содержание индивидуального нравственного сознания, которое не зависит от исторических особенностей. Принцип, определяющий содержание этики, который отстаивали русские юристы-неокантианцы, гласит: делай все от тебя зависящее, чтобы общество, к которому ты принадлежишь, осознало и укрепило в себе свое общее духовное содержание. Из этого принципа вытекает ряд культурных обязанностей (правдивость, симпатия, благожелательность). Эти обязанности оказываются необходимымиteleологическими выводами из основной идеи, а в качестве реализации системы культуры выступают наука, искусство, правовой порядок.

²⁵ Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции. Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1991. С. 244.

* * *

Духовная и юридическая основа русского неокантианства — идея Канта о свободе личности, об охране всех членов общества со стороны правового государства. В статье «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”» немецкий философ замечал: «Гражданин государства... должен иметь право открыто высказывать свое мнение о том, какие из распоряжений государя кажутся ему несправедливыми по отношению к общности. Ибо допустить, что глава [государства] никогда не может ошибаться или быть несведущим в каком-либо деле, значило бы считать его богоизбраненным и стоящим выше человечества. Поэтому *свобода печатного слова* есть единственный палладиум прав народа — свобода в рамках глубокого уважения и любви к своему государственному устройству, поддерживаемая либеральным образом мыслей подданных, который оно внушает...»²⁶. Русские юристы, сторонники этой философии, дополняли идеи Канта развитием принципов социальной этики и построениями не только правового, но уже и социального государства, имеющего своей задачей материальное обеспечение граждан.

В целом неокантианство характеризуется как философия гуманизма и просвещения. В ее основе лежит вера в человека как существа разумного (разум существует только там, где есть действительное добро, зло же проистекает от неведения и невежества людей). Разумными существами, а значит, и нравственными делает людей не внешнее принуждение, а просвещение их мысли и формирование воли, т.е. целесообразное воспитание. Установить объективные цели рационального воспитания может только этика, основанная на требованиях, вытекающих из природы автономного разума, а не на противоречивых эмпирических наблюдениях, субъективных настроениях и догматической вере в авторитеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 80–93.
2. Виндельбанд В. Иммануил Кант (К столетнему юбилею его философии) // Виндельбанд В. Прелюдии: философские статьи и речи / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. М., 2011. С. 110.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 89.
4. Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Гессен С.И. Избр. соч. М., 1999. С. 231, 232.

²⁶ Кант И. Соч.: в 4 т. на нем. и рус. яз. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). С. 323–325.

5. Грайсман С. Право и мораль: Проблемы за юридическую валидность в прочтении современного правен позитивизма. София, 2017.
6. Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 60, 61.
7. Кант И. Критика практического разума. 3-е изд. СПб., 2007. С. 83, 90, 277, 278.
8. Кант И. Соч.: в 4 т. на нем. и рус. яз. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 323–325, 353–477.
9. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916 // Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. С. 393.
10. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб., 1998. С. 120, 125–127, 129, 131.
11. Кроткова Н.В. Всероссийская научная конференция с международным участием «Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)» // Государство и право. 2024. № 9. С. 212–231. DOI: 10.31857/S1026945224090203
12. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма: сб. ст. / под ред. П.И. Новгородцева. М., 1903. С. 296.
13. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигии. Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1991. С. 244.
14. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 174.
15. Неновски Н. Право и ценности. М., 1987.
16. Пионтковский А.А. Теория права и государства Канта. Философия Канта и современность / под общ. ред. Т.И. Ойзермана. М., 1974. С. 160.
17. Савальский В.А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. М., 1909. Т. I. С. 265.
18. Торбов Ц. Основни принципи на правото. София, 1940. С. 208–216.
19. Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 273–278.
20. Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2019. С. 8–11.
21. Хвостов В.М. Общая теория права: элементарный очерк. 5-е изд. М., 2011. С. 45.
22. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В.А. Краснокутского. М., 1908.

REFERENCES

1. Alekseev N.N. Fundamentals of the Philosophy of Law. SPb., 1999. Pp. 80–93 (in Russ.).
2. Windelband V. Immanuel Kant (To the centenary of his philosophy) // Windelband V. Preludes: philosophical articles and speeches / transl. from German and introduction by S. Frank. M., 2011. P. 110 (in Russ.).

3. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law. M., 1990. P. 89 (in Russ.).
4. *Hessen S.I.* The rule of law and socialism // Hessen S.I. Selected essays. M., 1999. Pp. 231, 232 (in Russ.).
5. *Groysman S.* Law and morality. The problem of legal validity in the reading of modern legal positivism. Sofia, 2017.
6. *Jellinek G.* The socio-ethical significance of law, injustice and punishment. M., 1910. Pp. 60, 61 (in Russ.).
7. *Kant I.* Criticism of practical reason. 3rd ed. SPb., 2007. Pp. 83, 90, 277, 278 (in Russ.).
8. *Kant I.* Essays: in 4 vols. in German and Russian. Vol. I. Treatises and articles (1784–1796). M., 1994. Pp. 323–325, 353–477 (in Russ.).
9. *Kistyakovsky B.A.* Social sciences and law: essays on the methodology of social sciences and General theory of law. M., 1916 // Kistyakovsky B.A. Philosophy and Sociology of Law / comp., note., decree. V.V. Sapov. P. 393 (in Russ.).
10. *Kistyakovsky B.A.* Philosophy and Sociology of Law / comp., note., decree. V.V. Sapov. SPb., 1998. Pp. 120, 125–127, 129, 131 (in Russ.).
11. *Krotkova N.V.* All-Russian Scientific Conference with international participation “The concept of law: history and theory (for the 300th anniversary of the birth of Immanuel Kant)” // State and Law. 2024. No. 9. Pp. 212–231. DOI: 10.31857/S1026945224090203 (in Russ.).
12. *Novgorodtsev P.I.* Moral idealism in the Philosophy of Law (On the question of the revival of natural law) // Problems of idealism: collection of articles / ed. by P.I. Novgorodtsev. M., 1903. P. 296 (in Russ.).
13. *Novgorodtsev P.I.* On the ways and tasks of the Russian intelligentsia. From the depths: collection of articles on the Russian Revolution. M., 1991. P. 244 (in Russ.).
14. *Novgorodtsev P.I.* On the social ideal. M., 1991. P. 174 (in Russ.).
15. *Nenovski N.* Law and Values. M., 1987 (in Russ.).
16. *Piontkovsky A.A.* Kant’s theory of law and the state. Philosophy of Kant and modernity / under the general ed. of T.I. Oizerman. M., 1974. P. 160 (in Russ.).
17. *Savalsky V.A.* Fundamentals of Philosophy of Law in scientific idealism. Marburg School of Philosophy: Kogen, Natorp, Shtammler et al. M., 1909. Vol. 1. P. 265 (in Russ.).
18. *Torbov Ts.* Basic principles of law. Law and Justice. Sofia, 1940. Pp. 208–216.
19. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. by and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. Pp. 273–278 (in Russ.).
20. *Frolova E.A.* Philosophy of Law in Russia: Neo-Kantianism (the second half of the XIX – the first half of the XX century). M., 2019. Pp. 8–11 (in Russ.).
21. *Khvostov V.M.* General theory of law: an elementary essay. 5th ed. M., 2011. P. 45 (in Russ.).
22. *Shtammler R.* The essence and tasks of law and jurisprudence / transl. from German by V.A. Krasnokutsky. M., 1908 (in Russ.).

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна –
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории государства
и права и политологии юридического
факультета МГУ им. М. В. Ломоносова;
119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1,
стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. –
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory of State
and Law and Political Science, Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University;
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building),
119991 Moscow, Russia